

Колдовское пространство уржумских марийцев Кировской области. Образ и репутация марийского колдуна в этноконтактной зоне.

Устьянцев Герман Юрьевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра этнологии, Москва, Россия

E-mail: ustyan-93@mail.ru

Представленный доклад основан на полевых материалах 2015 года, собранных в Уржумском районе Кировской области. Задача экспедиции - изучение культурных особенностей местного марийского населения («уржумских марийцев») и проявлений их национальной идентичности в этноконтактном регионе.

Уржумский район - это территория чересполосного проживания различных этнических и конфессиональных групп: православных русских, русских старообрядцев, татар - суннитов и марийцев, придерживающихся православия в сочетании с языческими мотивами. Местный магический фольклор неоднократно был объектом антропологического исследования [1, 2, 3], в этом докладе он рассматривается как маркер принадлежности к марийской культуре.

Знаковым элементом язычества уржумских марийцев является колдовской дискурс. В ходе полевых исследований было установлено, что народная магия и мистика ретранслируются местным населением (всех национальностей) в качестве атрибута именно марийских традиций. Респонденты - марийцы активно включались в разговоры о колдовстве, они воспринимают магию как отличительную особенность своей народной культуры.

«Все марийцы - колдуны» - довольно устойчивый концепт, распространенный в этнически смешанных регионах Поволжья и за его пределами. Среди немарийского населения отмечено настороженное отношение к ритуальной культуре марийцев, к их якобы большому колдовскому потенциалу. Часто это стереотипное суждение имеет негативную окраску, так, марийцев подозревают в «глазливости», в способности напустить килу (порчу).

Подоплека такого образа «инородца - колдуна» не раз интерпретировалась в исследовательской литературе. Так, существует мнение, что этническая инаковость (включая другую веру, менталитет, физические особенности) может служить поводом к колдовским ассоциациям. Помимо этого, в этноконтактных регионах репутация «знающего» закреплена за населением, которое проживает в этой местности дольше соседних групп [3:190-205].

Опрошенные марийцы отвечали на вопрос о магических практиках так: «и русские сглазить могут...». Респонденты сперва не признавали ведовство исключительно марийским культурным атрибутом. Однако в ходе дальнейшей беседы марийцы описывали новые детали магического мира своей деревни, демонстрируя вполне обыденное отношение к практикам «знающих». Возможно, первая реакция была вызвана настороженностью по отношению к исследователю или была сопряжена с суеверным страхом.

В колдовском дискурсе Уржумского района была отмечена ностальгия о прошлом, когда знахарей и колдунов, по словам респондентов, было больше. «В деревне раньше были те, кто лечил, порчу снимал и наводил». Можно предположить, что в молодости локальный фольклор был более интересен информантам, и потому обладает в их сознании магической коннотацией.

Отмечено деление на «белую» и «темную» магию. Некоторых деревенских магов правильнее было бы назвать знахарями, они лечат и снимают проклятия; «темные» маги,

напротив, насылают сглаз, порчу (для собственной выгоды, по просьбе жителей, иногда и вовсе без понятных причин). Местные жители вне зависимости от этнической принадлежности знают, к какой именно ведунье обратиться в том или ином случае.

Есть несколько основных тем, популярных в магическом фольклоре Уржумского района. Проявления колдовства в рассказах информантов чаще связаны с физическими увечьями и болезнями, так, крайне известна порча «марийская игла», с помощью которой можно лишить проклятого возможности ходить. Снять проклятие может только колдун, его наславший. Второй по популярности темой после магии здоровья является любовное колдовство: привороты и отвороты. Часто к марийским ведуньям обращаются с просьбой предсказать будущее, эта третья по популярности функция «знающих». Есть очень распространённый вид гадания на женском марийском поясе, который даёт точный ответ на вопрос: «да» или «нет». Магическая лексика, в основном, представлена заклинаниями на марийском языке.

Дар мага в марийской традиции передаётся преимущественно по наследству, от женщины к женщине. Некоторые респонденты уверены, что гадать и ворожить могут не все, для этого нужны врожденные способности; согласно противоположной версии, «Все марийцы - колдуны, каждый что-то умеет».

Марийские колдуны соблюдают сценарии и табу, характерные для типичных деревенских «знающих». Они не берут деньги за помощь, только продукты, стремятся передать свои умения потомкам, после смерти «злых» магов ждет кара, им тяжело уйти на тот свет (записана история о том, как гроб колдуньи с гулом упал в бездну, в «ад»).

Марийское население изученных деревень считает, что влияние языческих духов сильнее колдовства. Так, в фольклоре распространены сюжеты о том, как человек (любой национальности) неправильно вел себя в священной роще или у воды (собирал ягоды, ругался, забрал лишнюю часть жертвенного мяса). Сакральное пространство природных объектов в марийском фольклоре защищено высшими силами, а наказания за обиды духов - болезни. В этом случае магия не поможет, надо идти в «оскорбленное» место и просить прощения у сил природы.

Образ колдуна в традиции Уржумского района не сильно отличается от аналогичного во многих деревнях России. Примечательно то, что магический мир в сознании местного населения связан именно с марийцами и проявлениями их особой колдовской природы. Колдовской дискурс обособляет марийцев, является понятным им знанием, которое выделяет их среди прочих контактных групп.

Источники и литература

- 1) Иванова А.А. Легенды о прозорливых Уржумского края // Акутальные проблемы полевой фольклористики. 2004. Вып. 3. С. 187–199.
- 2) Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
- 3) Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.